

«ПРИМИТЕ СЛОВА ГЛУБОКОГО СОЧУВСТВИЯ»...

Внезапная смерть Володи для меня — это большая личная потеря. Я его встретил в начале 60-х годов и уже тогда при всей его осторожности и разнице во взглядах, находил с ним общий язык. С течением времени моя симпатия и уважение к нему возрастали. То, что я знаю о его трудах, свидетельствует о том; что в его отношении к научной работе был элемент призвания и героизма.

О себе он говорил мало. Наверно, следовало бы упомянуть факт, что он написал (вместе с Е. Осиповой) очень пространную и положительную статью о моей книге о славянофильстве (Вопросы философии, № 7, 1968), хотя другие советские ученые прямо говорили мне, что эта книга настолько отличается от того, что считалось «идеологически правильным», что писать о ней объективно, без острой критики, совершенно невозможно. Да, это стоит подчеркнуть.

Потрясательно то, что как раз в день своей смерти он отдал на рецензию рукопись большой книги! — как будто энергия, нужная для исполнения этой задачи, поддерживала Его при жизни, а потом внезапно ушла.

Я считал Володю не только хорошим коллегой, с которым я всегда мог говорить честно, искренне и с пользой для себя, но и личным другом, в славянском понимании слова «друг». Его смерть — это для меня большая потеря. Хотя я приезжал в Россию не так часто, как хотел и как следовало бы, но сама мысль о том, что в Москве живет человек, с которым у меня был общий язык и при Брежневе, и при Горбачеве, и при Путине, была для меня чем-то очень нужным.

Андрей Валицки

**О РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ,
ВЛАДИМИРЕ ФЕДОРОВИЧЕ ПУСТАРНАКОВЕ
И О СЕБЕ**

В январе 1972 года в секторе «Истории философии народов СССР» Института философии АН СССР появился новый младший научный сотрудник. Вакансия оказалась случайной и вместо того, чтобы заниматься античной философией в секторе Т.И.Ойзермана, я был «брошен» в русскую философию, руководимую тогда бывшим партийно-кремлевским сановником с замечательным именем — Василий Евграфович Евграфов. На дверях сектора, как и положено, висел список сотрудников: Смирнова, Коган, Пустарнаков, Уткина, Хорос, Колосков, Сырцов, Антонова. Сознание сразу зафиксировало фамилию созвучную с именем любимого поэта. Опекун над новым сотрудником добровольно взял на себя именно Владимир Федорович. В это время он уже был старшим научным сотрудником, автором монографии о философских судьбах «Капитала» К.Маркса в России и вообще большим знатоком закулисно-академической жизни Института. «Прежде всего, — поучал он молодого сотрудника, — начинай формирование личного архива. Любую бумажку пиши минимум в трех экземплярах. Одну обязательно в отдельную папочку — пригодится». Именно реализация этого пустарнаковского наказа привело к созданию архива, включающего несколько очень толстых папок с отзывами и рецензиями на диссертации, монографии, рукописи и докладные записки, скопившихся почти за тридцать лет нашей совместной работы. Следующее поучение носило научно-методологический характер: «Саша, — говорил Владимир Федорович, — твердо запомни — мысль автора это кратчайшее расстояние между двумя цитатами». Владимир Федорович был необычайно цельной натурой, сосредоточенной на своем профессионализме. Он явно не был личностью ренессансного типа с широчайшим кругом культурных интересов. Более того, он даже с изрядной долей иронии, переходящей в насмешку относился к моим увлечениям японской и персидской поэзией, увлечениям живописью и архитектурой модерна. Даже «поймав» меня в читальном зале Музея книги за столом, заваленном масонской литературой он вполне мог пошутить, что надо, мол, доложить Евграфову о том, чем занимаются его сотрудники. Владимир Федорович был историком русской философии, и весь круг его интересов был связан с различными сопряженными с ней проблемами. Наши историко-философские интересы очень во многом пересекались и очень во многом мы были единомышленниками. В первую очередь, это относилось к проблематике философской культуры русского Средневековья, к про-

блемам русского Просвещения, соотносимого нами не с XVIII, а с началом XIX века. Коренным различием в наших подходах к истории русской философии был его очень высокий интерес к социальным импликациям философии и к социально-политической проблематике общественной жизни России как таковой, которая мне была совершенно чужда и вызывала активное раздражение, что вело к многочисленным спорам и дискуссиям. «Какое значение для характеристики философского мирозерцания того или иного мыслителя имеет описание его политической физиономии, выяснение того, является ли он народником, революционным демократом, либералом или консерватором, к какой именно политической партии он принадлежит? Любой народник или либерал может быть материалистом, кантианцем или позитивистом и все эти философские характеристики даже отдаленно не связаны с народничеством или либерализмом». Это была система моих традиционных вопрошаний. Владимир Федорович считал это недопониманием с моей стороны сложного характера синтетических отношений философии, политики и идеологии. Споры, как правило, принимали затяжной, почти бесконечный, характер.

Возрастающий в нашей философской общественности интерес к проблематике древнерусской средневековой культуры очень объединял нас. Особенно сближали систематические, почти ежегодные, поездки в Киев. Институт философии АН УССР давно и успешно организовывал специальные конференции-семинары по изучению отечественной культуры XI—XVII веков. Это было, пожалуй, одно из самых интересных и содержательных «мероприятий» философской жизни тех лет. В основном в Киеве, а иногда в Чернигове, Ровно, Луцке, Львове, Одессе собирался достаточно узкий круг специалистов руссистов, которые делали свои доклады и обсуждали узкие профессиональные проблемы. Владимир Федорович был, как правило, главой московской делегации от Института философии. В конференциях участвовали также специалисты из Львова, Минска и Ленинграда, еще не ставшего в те годы Санкт-Петербургом. Почтение наших украинских коллег к Владимиру Федоровичу было беспредельным, научный авторитет его был величественно незыблем, его докладами начинались пленарные заседания, он же подводил итоги и делал обобщения всех дней работы той или иной конференции. Киевские философские посиделки сформировали нечто подобное научному клубу. Около сорока-пятидесяти человек почти ежегодно собирались для очень своеобразного по форме общения, которое включало в себя научные симпозиумы, разнообразнейшие культурные программы, которые устраивали нам хозяева очередной конференции, обмен научными публикациями, дружеские обеды и ужины с определенной толикой возлияний, завязывание личных научных и дружеских отношений.

Жизнь и работа Владимира Федоровича в Институте философии была неоднозначно сложной. У него сложились непростые отношения с коллегами на основании целого комплекса научно-теоретических и психологических проблем. После смерти В.Е.Евграфова почти все наши коллеги-доктора воспротивились назначению Владимира Федоровича заведующим сектором. Хотя более подходящую фигуру по уровню своего историко-философского профессионализма подыскать внутри сектора было почти невозможно.

Интересная история была в связи с обсуждением и защитой докторской диссертации Владимира Федоровича. Среди его активных недоброжелателей была очень крупная партийно-административная фигура — бывший ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС Михаил Трифонович Иовчук, который изволил лично прийти на обсуждение диссертации с заведомой целью идейно-теоретического разгрома. М.Т.Иовчук являл собой колоритнейший типаж: огромного роста и веса он исходил из себя высшую партийную власть и надменность, почитая себя ответственным за всю русскую философию, он мнил себя в этой области гуманитарного знания самым высшим авторитетом. За два дня до обсуждения диссертации Владимира Федоровича было обсуждение моей кандидатской диссертации, на которое заглянул М.Т.Иовчук и, впервые назвав меня по имени, заверил в своей благосклонности и поддержке моей работы. Зачем это было сделано догадаться было не очень трудно, но я на это ответил черной неблагодарностью и при обсуждении диссертации Владимира Федоровича, манкируя более чем прозрачные начальственные указания, разразился потоком вполне искренних похвал и одобрений. Впоследствии люди из окружения М.Т.Иовчука рассказывали о том, что гневался он на меня сильно и долго.

Ленинскую библиотеку Владимир Федорович посещал почти ежедневно, даже на следующий день после защиты докторской диссертации и соответствующего банкета в Доме Ученых я его застал на центральной мраморной лестнице, поднимающегося в свой любимый профессорский зал. «Регулярностью своих посещений сей библиотеки, — говорю я ему, — Вы напоминаете младшего научного сотрудника без степени». Владимир Федорович в ответ смеялся и говорил: «Работать надо». Работал он на самом деле очень много. Библиография его трудов огромна, только общепринятые обобщающие издания могут составить очень длинный список: «История философии в СССР», «Русско-болгарские философские связи XI—XVII веков», «Гегель и философия в России», «Кант и философия в России», «Введение христианства на Руси», «Шеллинг и русская философия», «Фихте и русская философия», «Христиан Вольф и русская философия». И этот список можно продол-

жать и продолжать, включая исследования Владимира Федоровича по проблемам русского Просвещения и истории русского либерализма. Общая оценка историка русской философской мысли и его вклада в эту науку в определенной, но далеко не полной мере, нашла свое отражение в энциклопедическо-справочном издании «Философы России XIX—XX столетий. Биографии, идеи, труды», четвертая публикация которого состоится уже в XXI веке.

А.И.Абрамов

ОН ДЕРЖАЛ В СВОЕМ УМЕ ВСЮ РУССКУЮ ФИЛОСОФИЮ: ОТ ИСТОКОВ ДО ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЕН

Запомнилась первая встреча с Владимиром Федоровичем Пустарнаковым. Осенью 1977 года, накануне поступления в аспирантуру Института философии» я в нерешительности стоял перед дверью Сектора истории философии в СССР. Неожиданно дверь распахнул невысокий, плотного сложения человек, который встретил меня пронизательно оценивающим и одновременно с лукавой искоркой взглядом. Через некоторое время состоялось собеседование, для участия в котором тогдашний заведующий Сектором Василий Евграфович Евграфов пригласил присутствовавших в кабинете сотрудников, и я вновь ощутил на себе острый испытывающий взгляд — это был Владимир Федорович. Вопросы его выделялись проблемностью постановки и задавались с прицелом на комплексную проверку знаний исторических источников, историографии и дискуссий в научной периодике. Позднее из личных бесед я узнал, что глубокая заинтересованность древнерусской тематикой сложилась у Владимира Федоровича при подготовке первого тома «Истории философии в СССР», который вышел в свет в 1968 году.

Об этой странице в научной биографии Владимира Федоровича надо сказать особо. Мало кто знает, что он был непосредственно причастен к написанию IV главы, посвященной древнерусской мысли. По его рассказам, подготовка раздела, авторами которого в книге значатся М.Н.Тихомиров и М.В.Соколов, шла очень трудно. В процессе подготовки книги текст М.В.Соколова был передан для ознакомления М.Н.Тихомирову, который как редактор тома, забраковал предложенный вариант и дал свой текст. Случилось так, что М.В.Соколов не дожидаясь завершения работы над спорным разделом тома. В 1966 г. умер академик Тихомиров. После смерти обоих ученых, привлекавшихся к написанию главы о древнерусской философии, Владимир Федорович по своему усмотрению скомпилировал находившиеся в его распоряжении материалы, существенно переработав и дополнив их. Курьез заключается в том, что отвергнутый М.Н.Тихомировым материал Соколова вместе с другими архивными документами академика был посмертно издан под названием «Философия в Древней Руси» (см.: *Тихомиров М.Н.* Русская культура X—XVIII вв. М., 1968. С. 90-172). Составители сборника знали о занятиях М.Н.Тихомирова древнерусской философской проблематикой и, сохранявшуюся без подписи машинописную статью атрибутировали как труд академика, да еще при этом охарактеризовали как самую крупную из работ М.Н.Тихомирова по истории древнерусской культуры. Публикаторам был известен и другой, названный ими кратким, вари-

ант машинописи на ту же тему, который действительно вышел из-под пера М. Н. Тихомирова (Архив РАН, Ф. 963, оп. I. Д. 36). Кардинальные отличия краткого варианта от публикуемого не остались без внимания, но сомнений по поводу авторства, тем не менее, у них не возникло (см. комментарии к указ. соч. С. 423). Владимир Федорович неоднократно вспоминал эту историю, упоминал он так же и о том, как родственники М.В.Соколова предпринимали попытки восстановить авторство текста, неоправданно приписанного академику Тихомирову, Владимир Федорович публичным выступлением в прессе намеревался содействовать им в этом. Пусть эти строки послужат восстановлению истины. Справедливости ради надо сказать, у редколлегии издания были все основания считать, что соавтором раздела древнерусской мысли в I томе «Истории философии в СССР» являлся также и В.Ф.Пустарнаков, который не просто компилировал и редактировал текст, а создал принципиально новую версию, опираясь на исходные материалы авторитетных ученых, поэтому и имя его по праву могло бы стоять в оглавлении рядом с М.Н.Тихомировым и М.В.Соколовым. Однако, Владимир Федорович на это не пошел. Возможно, одной из причин такого решения было ревностное отношение маститых авторов к молодому и неизвестному им научному сотруднику, который во время обсуждений высказывал резонные соображения насчет философизации раздела. М.Н.Тихомиров и М.В.Соколов без энтузиазма воспринимали предложения В.Ф.Пустарнакова, но в конечном счете, именно они и послужили дополнением, но уже без согласования с авторами.

Владимир Федорович впоследствии неоднократно обращался к древнерусским сюжетам, которыми он занимался параллельно с подготовкой докторской диссертации по марксизму и углубленной проработкой отечественного философского наследия XIX—XX столетий. При этом он шуточно говорил, что настоящий историк философии должен стремиться охватить все: «от Адама — до аэроплана». Не специализируясь на древнерусской тематике и обращаясь к ней как бы попутно, В.Ф.Пустарнаков оказался в числе первопроходцев, профессионально обогативших изучение философской мысли Древней Руси.

Себя Владимир Федорович квалифицировал как последовательного западника, но в отличие от традиционных и современных представителей этого направления, отказывающих Древней Руси даже в наличие проблесков какой-либо философии, этот последовательный «западник» своим авторитетом способствовал преодолению нигилизма в отношении огромной исторической эпохи. Естественно, как приверженец западнических установок, он сводил развитие древнерусской философии прежде всего к движению философем в религиозной форме сознания, но при этом с его

прямым участием был утвержден в правах семивековой древнерусский этап в развитии отечественной философской мысли. Всякие разговоры идейных западников о «невегласии», бедноте, затянувшемся на столетия «подготовительном предфилософском этапе», после работ «западника» Пустарнакова теряли свой смысл. Перечислю здесь лишь основные труды Владимира Федоровича, посвященные начальному этапу русской философии: Проблема познания в философской мысли Киевской Руси // Становление философской мысли в Киевской Руси. М., 1984. С. 12-27; Идейные источники древнерусской философской мысли. Философские идеи в религиозной форме общественного сознания Киевской Руси // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 188-262; Зарождение и развитие философской мысли в пределах религиозной формы общественного сознания эпохи Киевской Руси // Отечественная общественная мысль эпохи Средневековья. Киев, 1988. С. 33-41; Идейно-философские контакты с Грецией в контексте международных политических и культурных связей Руси в период с середины XII до конца XIII в. // Отечественная философская мысль XI—XVII вв. и греческая культура. Киев, 1991. С. 130-138; Патриотическая литература в контексте закономерностей эпохи перехода от восточнославянской древности к русскому, украинскому и белорусскому средневековью (конец XIII-конец XIV вв.) // Переводные памятники философской мысли в Древней Руси. М., 1992. С. 3-20.

Все названные работы дополняют друг друга и органически складываются в отдельную монографию. Осталось назвать эту подборку неизданной книгой. Хочется надеяться, что появится издатель и увидит свет еще одна книга В.Ф.Пустарнакова, книга посвященная древнерусской философии. Такая книга должна занять подобающее ей место среди весьма немногочисленных работ на ту же тему. Это будет справедливо и достойно памяти Владимира Федоровича, сумевшего объять всю историю русской философии.

Обстановка научного диспута и внеофициальных заседаний сопровождала Владимира Федоровича в родном для него секторе отечественной философии, научных советах, конференциях, круглых столах. При этом Владимир Федорович Пустарнаков отличался яркой эмоциональной полемичностью и редко встречающимся в научной среде умением не переводить ценностные предпосылки и разногласия в личную неприязнь. Если же таковая периодически возникала после жарких дискуссий, то инициатива исходила со стороны обиженных оппонентов. Например, в 80-х гг. споры по проблемам русского Просвещения закончились тем, что Нина Федоровна Уткина восприняла критику как личное оскорбление и перестала отвечать на приветствия. Надо было видеть, как переживал это Владимир Федорович, предпочитавший любые формы публично-го обсуждения аргументам косога обиженного взгляда.

Меня всегда восхищало научное рыцарство не свободного от эмоций большого ученого, в выступлениях которого крайне нелицеприятные оценки уживались с неизменной рекомендацией к публикации критикуемого труда. Так было в конце 90-х гг. с работой Валентина Лазарева о русской идее, положения которой Владимир Федорович не принял, но на публикации текста настаивал, чтобы сама проблема могла широко и публично обсуждаться.

Во время обсуждений моей кандидатской диссертации, посвященной мировоззренческим проблемам древнерусского еретичества, а затем и публикаций на эту тему, Владимир Федорович выделял довольно обширный блок проблем, решение которых было для него неприемлемо (прежде всего это касалось исследования дохристианских архетипов в отечественной мысли), но при этом он неизменно находил и позитивные основания в обсуждавшихся работах, искренне поддерживая интересные решения и соглашаясь с убедительной аргументацией.

Он был принципиально чужд комплиментарности. Как у подлинного ученого, позиция его была неизменно принципиальной, а поддержка, даже скупая, дополненная яркими замечаниями, много стоила. Бескомпромиссность и бойцовский настрой удивительно уживались с терпимостью. Весьма показательно, что даже самые горячие споры неизменно заканчивались дружескими чаепитиями и добрыми рукопожатиями.

Хотелось бы выразить сердечную признательность Владимиру Федоровичу, который принимал самое непосредственное и заинтересованное участие в подготовке к изданию моих исследований, причем не только советом и поддержкой. Например, книгу «Древнерусские апокрифы» он в прямом смысле помог спасти. После 1991 года доступ в философскую редакцию издательства «Мысль», где по стечению обстоятельств оказались все машинописные экземпляры и рукопись для их сверки, был закрыт, ибо издательство помещалось в комплексе зданий Академии общественных наук и как партийная собственность несколько лет было опечатано. Затем комплекс был передан Российскому государственному гуманитарному университету, заселившему все корпуса Академии за исключением издательского крыла. Уже несколько лет шли занятия студентов в новом корпусе, но доступ в помещения издательства и для его бывших сотрудников и для авторов был закрыт. Казалось, что итог многолетней работы пошел прахом. Но именно Владимир Федорович в те нелегкие минуты отчаяния посоветовал обратиться к служащим, в ведении которых оказалось помещение, тем более, что судьба издательства была окончательно решена и комнаты стали готовить к размещению в них других подразделений университета. Другой

сотрудник сектора помог получить рекомендации у университетских профессоров. Охрана открыла двери и позволила сортировать мусор, от которого тогда освобождали кабинеты. Каково же было удивление, когда среди вороха бумаг на полу обнаружилась до боли знакомая папка. Прошло еще несколько лет и дополненная новыми разделами книга вышла из печати. Так что без преувеличения можно сказать, что крестным отцом «Древнерусских апокрифов» является Владимир Федорович – они появились на свет при его прямом участии, включая и рекомендацию к изданию.

Меня всегда удивляла огромная работоспособность Владимира Федоровича. Я не помню тем, которые были бы ему не интересны и, кроме того, я не помню ни одного случая, чтобы при всей своей загруженности он отказал кому-либо в рецензии, или уклонился бы от обсуждения статей и книг. Рукописи и книги шли через него потоком. Вокруг него постоянно возникали новые люди, приезжали авторы из союзных республик, в судьбе которых он принимал живое участие. В результате лучше и полнее никто не знал состояния дел в современной философской науке.

Пока писались эти строки неожиданно стало ясно, что в необыкновенной открытости и доступности проявились не только человеческие качества Владимира Федоровича, но и его высокий профессионализм. Так мог поступать только настоящий историк философии, охвативший своим недюжинным умом всю связь времен, в максимально возможной широте охвата исследовавший движение русской философской мысли от ее зарождения до последних времен.

Владимир Мильков